

Юлия ДОБРОВОЛЬСКАЯ

ДЖИП ЧЕРОКИ 4x4

Повесть

12+

Юлия Добровольская

Джип Чероки 4x4

«ЛитРес: Самиздат»

2004

Добровольская Ю.

Джип Чероки 4x4 / Ю. Добровольская — «ЛитРес: Самиздат»,
2004

Все мои истории – о сложностях и радостях человеческих взаимоотношений. Я не сужу своих героев – не осуждаю и не одобряю – я их наблюдаю. В моей прозе нет ничего об интригах, предательствах, мести, зависти и прочих явлениях, бытующих в среде спящей части человечества. Здесь – совсем о других людях. О тех, кто понимает, что нет несчастий и врагов, а есть лишь чудеса и ангелы. О тех, чья жизнь – это рост, а не увядание, и смерть – это продолжение, а не конец.

© Добровольская Ю., 2004

© ЛитРес: Самиздат, 2004

ДЖИП "ЧЕРОКИ 4x4

Повесть

Каждая счастливая женщина черпает своё счастье в счастливом браке. Каждая несчастливая несчастна из-за отсутствия такового. Всё остальное – детали.

Счастливая просто живёт. Несчастливая самоутверждается.

Каждая несчастливая женщина самоутверждается по-своему.

Одна покупает себе норковую шляпу и нутриевую шубу, чтобы быть, как все. Другая начинает восхождение по карьерной лестнице в строгом деловом костюме, дабы подняться над головами этих самых всех.

Одна, стиснув зубы, терпит гуляку (пьяницу, бездарность, иждивенца... далее – по списку) мужа, лишь бы не лишиться штампа в паспорте в том месте, где он должен стоять у всех. Другая, напротив, разочаровавшись в семейной жизни, бросает вызов обывательскому мнению и с шумом и гордо поднятой головой уходит в свободное плаванье.

Ни та, ни другая никогда не признаются вам, что им чего-то не хватает в жизни. Но и та, и другая мечтают лишь об одном – о тривиальном семейном счастье, покоящемся на взаимной любви.

* * *

Александра Борисовна Листопад самоутверждалась посредством огромного джипа "Чероки 4x4".

Она просто сказала бы вам: я люблю эту машину. И всё. И это было бы чистой правдой.

Машина была хороша: тёмно-зелёный металлик, блестящие хромированные ручки и бамперы, тонированные стёкла. Внутри стоял запах комфорта, новенького пластика, добротной кожи и дальних увлекательных путешествий. И, конечно, её любимых духов. «Голубка, дочь художника» – так она их называла.

Александра Борисовна – пока пусть будет просто Саша – отнюдь не считала себя чем-либо обделённой. У неё были замечательные мама с папой, замечательная работа, жила она в замечательном городе, в замечательной, хоть и не слишком большой, двухкомнатной квартире.

У неё было множество разнообразных интересов помимо работы, и по этой причине не оставалось времени на скуку или какую-то там неудовлетворённость. Она занималась большим теннисом – для общей физической нагрузки; она ходила в театры и на кинопоказы – в силу духовной потребности; она осваивала компьютер и французский язык – дабы не атрофировался интеллект, и, будучи убеждённой, что знания не бывают лишними. Ещё она любила порыбачить на зорьке вместе с папой, а потом лепить с мамой пироги из пышного, поющего в руках теста.

Те недолгие часы, что она проводила в своей городской квартире, скрашивал ей огромный рыжий кот по имени Реджинальд Кеннет Дуайт, псевдоним Элтон Джон, для своих – Реджи, а по-простому – Рыжий.

С ним у Саши было полное взаимопонимание – никаких обременительных обязательств друг перед другом, никаких обид или претензий. Только самое насущное: один должен не забыть обеспечить другого питанием на день, а другой – постараться не делать пакостей. В частности, пользоваться в определённых нуждах отведёнными местами: спать на своей, а не на хозяйкиной подушке, есть из своей миски, а не с полу или со стола, и запрыгивать на унитаз, а не пристраиваться под ним.

Почти каждые выходные Саша ездила к маме с папой и брала с собой Рыжего, где он лениво – по причине насильственно искорённого мужского начала – дружил с родительской кошкой Плюшкой.

Да, в её двадцать восемь лет у Саши не было своей семьи. Но это только потому, что к вопросу брака она подходила гораздо серьёзней других. Ну, и ещё этот джип... Словно про неё сказал наш великий сатирик, если перефразировать: вы на троллейбусе, я на джипе – поговорим, коли догоните. Хотя эту ситуацию Саша не моделировала сознательно. Она очень любила свой джип. Любила взирать с высоты его высокой подвески сквозь тёмное стекло на окружающий мир, покорно стелющийся под могучие колёса.

Она присмотрела его давно, несколько лет тому назад, когда они с папой попали на большой международный автосалон. Оба были весьма равнодушны к технике, особенно – к красивой технике. Они ходили по стендам автомобилестроительных фирм и зачарованно разглядывали в деталях каждый экземпляр. И, без преувеличения, каждый казался им верхом – нет, не инженерной даже мысли – а верхом изящества и дизайнерской дерзости.

Несколько раз они возвращались к этому сияющему джипу. Она забиралась внутрь и примерялась, как будет управлять им – всё было невероятно удобно.

Папа, заглядывая через опущенное стекло, сказал: а знаешь, моя птичка, он тебе очень к лицу.

Он будет моим, сказала тогда Саша.

И джип стал Сашиным.

Переднее сиденье справа от неё пока пустовало – в такой серьёзной машине рядом должен быть только серьёзный друг, считала она, а его пока в жизни Саши не появилось. Иногда у неё мелькала мысль: а не подвезти ли до дому своего шефа – хирурга, которому она ассистировала уже почти пять лет? Но он жил всего в трёх кварталах от клиники и, конечно, ходил домой пешком.

Почему маленькая, хрупкая Саша выбрала себе именно такой – громоздкий и внешне неуклюжий – автомобиль? О, это целая история.

Только не вздумайте ей рассказывать про какие-то там психологические штучки, она сама вам о них расскажет не хуже. И добавит: но это не про меня, у меня всё гораздо проще.

* * *

Сашин папа работал в крупном пригородном хозяйстве главным агрономом, мама – фельдшером в местной больнице. У них был небольшой добротный двухэтажный дом с садом и огородом. Всё это Саша любила с детства – и дом, и сад, и огород, и холмы с полями и лесами, окружавшие посёлок со всех сторон.

Она любила маму и папу. Но с папой у Саши были особенные отношения – настоящая мужская дружба. Ничего не было для Саши желаннее, чем проводить всё своё свободное время вместе с папой. А поскольку у папы всегда было много работы, то время это они и проводили на его работе.

Хозяйство папино было очень большим. Чтобы везде успевать, он ездил на машине, которую называл забавным словом "джип". Это был почти обычный "газик", только колёса у него были чуть крупнее, и сидел он на них чуть выше, отчего и казался больше. У джипа был откидной верх, и Саша любила, когда встречный ветер трепал её волосы, и приходилось повышать голос в разговоре с папой – всё это было так... так необычно, так здорово, так по-взрослому.

Когда Саша закончила седьмой класс, папа решил научить её управлять своим джипом – разумеется, втайне от мамы. Но учить Сашу не пришлось – папа посадил её за руль, сказал, что нужно сделать, Саша сделала и поехала. Как ни в чём ни бывало – словно она умела управлять машиной всегда. С тех пор папа доверял ей свой джип в любых самых дальних маршрутах – он сидел рядом, справа от своей дочери, и только подсказывал направление.

В поездках они много говорили. Говорили о жизни: о папиной работе и о Сашиной школе, о друзьях, о мечтах. Но больше всего Саша любила слушать папины рассказы о прошлом: о его детстве, юности, о том, как он встретился с мамой, и как они полюбили друг друга.

* * *

Родился Сашин папа перед самой войной на Кубани. Помнит он себя лет с трёх-четырёх, когда уже был воспитанником детдома: много детей и несколько взрослых, постоянно указывающих, что делать и куда идти, всегда хочется есть и не понятно – что это и для чего они здесь.

Позже мальчику объяснили, что идёт война, что он ехал с мамой "в эвакуацию", что поезд разбомбили, и мама умерла от ран, не приходя в себя. Поскольку никакой поклажи с ней не было, то и документов не оказалось – вероятно, всё пропало в огне. Ни отыскать родных, ни установить даты рождения не удалось, потому что от их деревни ничего не осталось, а из уцелевших под бомбёжкой поезда никто не знал о мальчике и его маме, кроме того, что были они из Владимировки.

На маечке мальчика было вышито: "Боря" – и больше ничего. Никто даже не знал, его ли это маечка, а стало быть – его ли это имя. Но мудрить не стали, дали ему имя Боря, отчество Владимирович, а фамилию подсказала природа: была тихая солнечная осень, с деревьев падали неиссякаемым потоком золотые листья, устилая двор школы, в которой расположился импровизированный приют для эвакуированных и осиротевших детей.

Слушая этот рассказ, Саша крепилась, как взрослая, но если в одиночестве ей хотелось иногда поплакать, она рисовала в своём богатом воображении картины папиного детства и, обливаясь горячими слезами, начинала жалеть его – выросшего без ласковой и красивой, как у неё, мамы, без доброго и сильного, как у неё, папы. Жалела она и всех остальных детей, хоть и представить себе по-настоящему не могла, как это так: есть ребёнок, а мамы с папой у него нет, хочется кушать, а кушать нечего. Она оплакивала всех сирот на свете, но больше всего – маленького мальчика по имени Боря Листопад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.